

Р.В. Ронько, А.В. Циммерлинг

Параметр номинативного объекта и синтаксис инфинитивных оборотов в диалектах русского Севера и в древнерусском языке¹

Рассматривается конструкция «именительный падеж + инфинитив» в древнерусском языке и диалектах русского севера. Приписывание актанту инфинитива именительного падежа вместо ожидаемого винительного связано с механизмом дифференцированного маркирования дополнения; именительный падеж обычно выбирается в том случае, когда именная группа является акцентоносителем ремы.

¹ Статья написана при поддержке проекта РГНФ 14-04-00580 «Взаимодействие механизмов грамматики в языках мира». Авторы благодарят Т.Е. Янко и А.А. Пичхадзе за обсуждение предварительных версий анализа. Ответственность за все недочеты лежит на авторах.

Ключевые слова: древнерусский язык, русские диалекты, инфинитивные клаузы, дифференцированное маркирование дополнения, номинативный объект, тема, рема, акцентоноситель.

Цель нашей заметки – объяснить синтаксис инфинитивных оборотов в имен. п. актанта типа <надо> *бانيا рубить* в диалектах русского Севера и в памятниках древнерусского периода с точки зрения механизмов приписывания падежа и выборов акцентоносителя. Данная конструкция неоднократно рассматривалась в славистике и русистике со времен А.В. Попова (1881) [10] и А.А. Потебни (1874) [11], при этом делались попытки рассмотреть ее как с точки зрения общего синтаксиса [20], так и в плане эволюции грамматического строя индоевропейских языков [13]. Новизна нашего подхода заключается в том, что мы считаем главной проблемой не наличие дополнения в имен. п., а объяснение варьирования между параллельно существующими конструкциями «имен. п. + инфинитив» и «вин. п. + инфинитив» в терминах общей грамматики. Как мы полагаем, распределение данных конструкций в текстах нехаотично и может быть подведено под понятие дифференцированного маркирования прямого дополнения. Выбор имен. п. имеет коммуникативную мотивацию, а позиция именной группы (ИГ) инфинитиву отражает механизмы выбора акцентоносителя. Вместе с тем, в отличие от ряда тюркских и финно-угорских языков, где дифференцированное маркирование дополнения грамматикализовано, полной грамматикализации данного явления в русских диалектах и древнерусском языке нет.

В славистике известна древнерусская/диалектная конструкция типа: диал. *надо земля пахать*, *надо бросить кошка*, др.рус. *в волости твои только вода питу в городицанах* [2; 5; 10]. Актант в имен. п. здесь обычно анализируют как дополнение, а выбор имен. п. объясняют синтаксически: инфинитивный оборот с имен. п. предположительно вводится эксплицитным или имплицитным модальным предикатом типа *надо* или *остаётся*, который не предполагает активного субъекта в имен. п., поэтому вакантная позиция подлежащего главного предложения притягивает к себе ИГ в имен. п. из зависимой клаузы [13; 20]. Остаются нерешенные теоретические и эмпирические проблемы. Во-первых, генеративные модели, устанавливающие жесткую связь между падежом и синтаксической позицией, в частности, между падежом актанта инфинитивного оборота и его т.н. *подъемом* (raising) в главное предложение, на которые ориентировались А. Тимберлейк и Ю.С. Степанов, устарели. Во-вторых, не объяснено варьирование с параллельно существующей в тех же текстах конструкцией с вин. п. актанта инфинитивного оборота.

1. Параметр «номинативный объект»

Данный параметр утверждает, что зависимая ИГ финитной или нефинитной клаузы может получать прямой (имен.) падеж. Между падежной маркировкой ИГ и статусом подлежащего/дополнения нет прямой корреляции [21], языки мира допускают как дополнения в имен. п., так и подлежащеподобные актанта в косв. п. [22, с. 724]. В общем случае, неверно, что субъектная ИГ инфинитивного оборота автоматически получает имен. п., если в главной клаузе нет внешне выраженной ИГ в имен. п. Ср. древнеисландский пример 1, где оборот «имен. п. + инфинитив» при глаголах со значением «казаться» возможен, но эти глаголы не могут вводить финитное придаточное с союзом *что*. Отсюда видно, что ИГ в имен. п. в древнеисландском языке остается в пределах зависимой клаузы и не поднимается в главное предложение, несмотря на то, что позиция подлежащего при глаголе *þykkja* («казаться») вакантна.

- (1) Др.исл. а. *Mér þykki / *þykkja*
 Я-1.Dat.Sg. казаться-3Sg.Prs. / *казаться-3Pl.Prs.
 [ДР *þeir* mæla snjallt mjök]
 они-3Nom.Pl. говорить-Inf. нагло-Adv очень-Adv
 букв. 'мне кажется/*кажутся [ДР **они** говорить очень нагло]
 б. **Mér þykkir* [СР **at þeir**
 Я-1.Dat.Sg. казаться-3Sg.Prs. что они-3Nom.Pl.
mæla snjallt mjök
 говорить-3Pl.Prs. нагло-Adv очень-Adv
 'мне кажется, [СР **что они** говорят очень нагло].

В некоторых языках параллельно существует т.н. параметр антисубъекта [14, с. 772], когда актанта глагола с валентной рамкой *Experiencer – Stimulus* (субъект и объект наблюдения) не может оформляться прямым (т.е. имен.) п. В русском и немецком языках *Stimulus / Объект наблюдения* контролирует согласование предиката:

- (2) рус. а. Мне нравится Nom.Ob [ДР **эта**
 Я-1Nom.Sg. нравиться-3Sg.Prs этот-Nom.Sg.F.
девушка].
 девушка-Nom.Sg.F.
 б. Мне нравятся Nom.Ob [ДР **эти**
 Я-1Nom.Sg. нравиться-3Pl.Prs этот-Nom.Pl.
девушки].
 девушка-Nom.Pl.

Напротив, родственный древнеисландскому фарерский язык запрещает маркировку *Stimulus / Объекта наблюдения* имен. п.:

- (3) Фар. а. Mær dámar ^{Anti-Sub} [handa gentu]
 Я-1Dat.Sg. нравиться-3Sg.Prs этот-Acc.Sg.F. девушка-Acc.Sg.F.
 букв. Мне нравится ^{Anti-Sub} эту девушку.
 б. *Mær dámar ^{Nom.Ob} [hesi
 Я-1Dat.Sg. нравиться-3Sg.Prs этот-Nom.Sg.F.
 genta]
 девушка-Nom.Sg.F.

К подобного рода языкам применимы две гипотезы.

Гипотеза 1: перед нами т.н. дифференцированное маркирование дополнения [6; 12]. ИГ, способная получать вин. либо имен. п., всегда остается дополнением.

Гипотеза 2: конкуренция падежей отражает колебания в выборе подлежащего глагола с валентностью Stimulus. Ср. примеры 4а и 4б:

- (4) фар. а. *tá* kom *mær* ^{Anti-Sub} *ommu*
 Тогда прийти-3Sg.Prt я-1Dat.Sg. бабушка-Acc.Sg.
i hug.
 в ум-Acc.Sg.

букв. '*тут мне пришло в голову бабушку'.

- б. *tá* kom ^{Nom.Ob} *omma* *i* hug
 Тогда прийти-3Sg.Prt бабушка-Nom.Sg. в ум-Acc.Sg.
mær.
 я-1Dat.Sg.

'тут ^{Nom.Ob} бабушка ^{вин.п.} пришла в голову мне ^{дат.п.} [12, с. 272].

А. Тимберлейк и Ю.С. Степанов, считавшие ИГ в имен. п. в оборотах *земля пахать* дополнением, а не подлежащим, обосновывали свое решение тем, что такие обороты вводятся эксплицитным или нулевым модальным предикатом, при котором нет подлежащего в имен. п., поэтому актант инфинитива якобы перемещается (поднимается – в генеративных терминах) в главное предложение, получая имен. п. как падеж подлежащего. Это рассуждение опирается на классическую теорию подъема Перлмуттера–Постала [19], но ее предсказания не подтверждаются языковыми данными:

(i) подчиненная инфинитивная клауза в структуре с подъемом не всегда занимает ту же самую позицию, что придаточное с финитным глаголом, ср. контрпример 1б;

(ii) получение актантом инфинитивной клаузы имен. п. не доказывает факт подъема данного актанта в главную клаузу;

(iii) отсутствие у предиката главной клаузы подлежащего в имен. п. является недостаточным условием для маркировки субъекта инфинитивной клаузы имен. п.

В диалектах русского Севера мы находим параллельно конструкции с имен. п. и вин. п. при инфинитиве в пределах одного и того же текста, ср. записи архангельских диалектов:

- (5) рус. диал. *Видно, отец... Надо было* ^{Nom.Ob} **баня рубить**, *видно, срубили баню, отец, видно, сказал, что надо то ли одно, то ли два окна, видно рубить, на баню, в бане.*
- (6) рус. диал. *Вам только гроб сделать да* ^{Nom.Ob} **яма выкопать**
- (7) рус. диал. *Молице не тяжело,* ^{Nom.Ob} **ручка накинуть на себя, на своё личико.**
- (8) рус. диал. *А вот не знаю, почему, шо в дом идёшь, дак надо в первую очередь взять кошку. Кинуть* ^{Nom.Ob} **кошка, бросить** ^{Nom.Ob} **кошка.**

Примеры типа *баня рубить* sporadически встречаются и в берестяных грамотах, в основном, при именах ж. р. склонения на -а, ср., однако, пример 9:

- (9) др.рус. новг. тьбѣ ^{Nom.Ob} [_{NP} рже свѣа] **снати** (гр.¹142)
'ты должен рожь свою убрать'

- (10) др.рус. новг. въ волости твоеи толико **вода пити** в городишаньх (гр. Ст.Р.²10).
'В Городище, твоём владении, только воду пить'

Примеры того же типа, только с иным слоем лексики, представлены в «Вопрошании Кириковом».

- (11) др.рус. новг. **Аже чл(ѣ)къ живѣ дастъ сорокооустыє . достоит ли слоу(ж)ти за нь. и** ^{Nom.Ob} **коутыа слати** (С19).
'Если живой человек даст сорокоуст, стоит ли служить за него и слать кутью?'
- (12) др.рус. новг. **достоить ѿ него мо(ло)ко ѣсти и маса его . а иже его достоупилъ . а том(о)у не исти ничто же . а шпитемьа приати противоу силѣ** (И15³)

'Стоит (следует ли) от него молоко мясо его есть, а если его (испортил?), то тому ничего [не нужно] есть. А [нужно] епитимью принять против силы.'

¹ Гр. – новгородские берестяные грамоты (<http://gramoty.ru/index.php?act=full&id>), далее следует номер грамоты.

² Гр. Ст.Р. – грамоты из Старой Руссы (<http://gramoty.ru/index.php?act=full&id>), далее следует номер грамоты.

³ И – раздел Ильи в «Вопрошании Кириковом» (Вопрошание Кириково. Новгородская кормчая. ГИМ. Син. № 132. XIII в.), далее следует номер главы.

2. Факторы выбора падежа и линейного порядка в инфинитивных клаузах

Во-первых, обращение к памятникам показывает, что и в диалектном корпусе, и в древнерусских памятниках вин. п. при инфинитиве преобладает, а имен. п. является маркированным случаем. Во-вторых, в 78% древнерусских примеров, в которых употреблен имен. п., реализуется порядок $NP_{Nom} - Inf$, с препозицией ИГ инфинитиву. В-третьих, для ИГ в имен. п. почти во всех примерах восстанавливается статус акцентоносителя ремы. ИГ в имен. п., достоверно не могущие быть акцентоносителями ремы, отсутствуют, а ИГ в вин. п. имеются. В-четвертых, преобладают неодушевленные и нереферентные существительные. Схожее распределение конструкций «имен. п. + инфинитив» и «вин. п. + инфинитив» в древнерусских памятниках и в современных диалектных текстах при близости их морфосинтаксических параметров позволяет предположить, что это распределение в обоих случаях регулируется коммуникативным фактором, в том числе, правилами выбора акцентоносителя. Обычно речь идет о выборе акцентоносителя ремы, но те же правила действуют и для акцентоносителей составляющих с другим коммуникативным статусом, что было показано Т.Е. Янко [16; 17] для современного русского языка. Основной алгоритм выбора акцентоносителя ремы в полной составляющей, по модели С.В. Кодзасова – Т.Е. Янко, предположительно универсален: чем ниже статус ИГ в иерархии актантов, тем более вероятным кандидатом, при прочих равных условиях, он является [16, с. 69–71; 17, с. 41].

Материал побуждает предположить, что и в диалектах русского севера, и в древнерусских памятниках действовали не только общие принципы линеаризации инфинитивных клауз и выбора падежа актанта инфинитива, но и общие линейно-акцентные преобразования, т.е. глобальные механизмы, одновременно меняющие линейную позицию элементов и их коммуникативный статус [4; 8; 15; 23]. Разумеется, фразовые просодии древнего языка нам непосредственно недоступны. Однако в той мере, в которой нам понятен план содержания стоящих за перестановками элементов линейно-акцентных преобразований, т.е. понятно соотношение параллельно представленных в текстах вариантов словоупорядка и степень их маркированности¹, мы можем пытаться установить два параметра: 1) направление преобразования, 2) место акцентоносителя. Недавно попытка проследить линейно-акцентные преобразования, действовавшие в древнерусских клаузах с предикатным отрицанием, была предпринята в работе Зализняк, Падучева [3].

¹ Ср. анализ словоупорядков SOV и SVO на древнерусском материале в работе А.А. Пичхадзе и А.В. Родионовой [9].

3. Left Focus Movement и выбор именительного падежа

В теории линейно-акцентных преобразований известен механизм, перемещающий акцентоноситель ремы левее вершины сказуемого – Left Focus Movement [23, с. 65]¹. В транскрипции ниже используется идеализация, согласно которой в позиции перемещенного влево акцентосителя появляется усиленный акцент ремы. Для современного языка это акцент ИК-2. Ниже он обозначен пометой ‘ \sphericalangle ’ перед словом-акцентосителем. Символ t указывает на исконную позицию перемещенного элемента.

(13) рус. Петя [_{VP} пишет \sphericalangle статью] >> Петя [_{VP} \sphericalangle статью_i пишет t_i].

Препозиция актанта инфинитивного оборота в нашем материале тоже может быть результатом Left Focus Movement.

(14) рус. диал. <Надо> [_{IP} накинуть на себя \sphericalangle ^{Nom.Ob}ручка] >> [_{IP} \sphericalangle ^{Nom.Ob}ручка накинуть на себя].

(15) др.рус. новг. въ волости твоеи толико [_{IP} пйти ^{Nom.Ob}вода] >> въ волости твоеи толико [_{IP} \sphericalangle ^{Nom.Ob}вода пйти].

Следует оговориться, что Left Focus Movement возможен в русских диалектах и в древнерусских памятниках и с ИГ в вин. п. Напомним также, что в 28% приписывание имен. п. актанту инфинитивного оборота происходит без Left Focus Movement. Следовательно, и Left Focus Movement, и приписывание имен. п. актанту инфинитива – факультативные операции, необходимым, но недостаточным условием для которых является акцентная выделенность вершины ИГ.

4. Left Focus Movement и выбор акцентоносителя

В большинстве примеров подвергшаяся Left Focus Movement вершина ИГ является акцентоносителем ремы. Однако возможен случай, когда вершина ИГ имеет статус контрастной темы:²

(16) др.рус. новг. что ѳсми гѣже тобѣ далъ · полтину · дати биричу ·
а [_{IP} ↗ ↗ ^{Nom.Ob}грамота_i взять t_i] (гр. 578).
‘↗ Полтину, госпожа, которую я тебе дал, нужно
[_{IP} отдать \sphericalangle биричу], а ↗ ↗ [_{IP} грамоту у него \sphericalangle взять].’

Применительно к процедуре выделения тем и рем в древнерусских текстах следует сделать стандартную оговорку о том, что да-нет вопросы типа *достойт ли (X-у) делать Z* с модальным оператором типа *достойт* коррелируют с невопросительными инфинитивными клаузами типа *дос-*

¹ То же преобразование обсуждается в статье А.А. Зализняка и Е.В. Падучевой [3, с. 295], когда порядки слов типа *Да* [_{NegP} не [яко [_{NP} зьлодѣи]_i зьле оумьреши t_i]] ‘чтобы ты не умер злой смертью как злодей’ выводятся из порядков типа *Да* [_{NegP} не зьле оумьреши [яко [_{NP} зьлодѣи]]].

² Нам неясно, достоин ли в подобных случаях постулировать перемещение, или можно считать, что тематический элемент получает свой контрастный акцент in situ.

тоит (X-у) делать Z. Акцентоноситель инфинитивной группы в таком вопросе оказывается в составе т.н. несобственно вопросительного компонента да-нет вопроса [17, с. 41].

Разберем примеры с неоднословной ИГ в имен. п. В древнерусском таких примеров мало, но они представляют проблему, т.к. по общему алгоритму выбора акцентоносителя акцент должен падать не на вершину в имен. п., а на зависимые от нее элементы. Для пояснения приведем примеры 17а-d из современного русского языка, показывающие, как может смещаться локус фразового акцента.

- (17) рус. а. Петя [_{VP} написал [_{NP} ∇ статью]].
 б. Петя [_{VP} [_{NP} ∇ ∇ статью]_i написал t_i].
 с. Петя [_{VP} [_{NP} большую ∇ ∇ статью]_i написал t_i].
 д. Петя [_{VP} [_{NP} большую статью о ∇ ∇ кванторах]_i написал t_i].

В древнерусском корпусе встречаются как примеры, подтверждающие нашу модель, ср. пример 18, так и противоречащие ему, ср. пример 19.

- (18) др.рус. [_{IP} давати ему [_{NP1} полмѣры_{вин.п.} ∇ меду] а
 Nom.Ob [_{NP2} полтина_{им.п.} грошей ∇ литовская]]

Акцентоносителем во второй ИГ, скорее всего, является уточняющий сортовой атрибут *литовская*: известно, что сортовая инверсия атрибута связана с рематическим выделением, в таком случае локус акцента на *меду* при первой ИГ в вин. п. и на *литовская* во второй ИГ в имен. п. отлично подтверждает предсказание нашей модели. Хуже обстоит дело с примером 19, который приводит А.А. Потехня [11, с. 372]:

- (19) др.рус. [_{IP} давати [_{NP1} им] ^{Nom.Ob} [_{NP2} мѣра ∇ меду].

По общему правилу, акцентоносителем в таких составляющих должна быть словоформа *меду*, а не *мѣра*, поэтому пример 17, с точки зрения восстановленного нами фрагмента древнерусской грамматики, «правильный», а пример 18 – «неправильный»: ИГ в имен. п. стоит в постпозиции, а акцент должен падать на другое слово. Тем не менее, число примеров, противоречащих нашей модели, невелико.

В ряде контекстов выбор вин., а не имен. п. при инфинитиве можно объяснить тем, что акцентоносителем была другая словоформа. Это объяснение подходит к примеру 20.

- (20) др.рус. новг. Коли хотаѣ [_{IP} млт(Ѡ)у_{Acc} творити ∇ болному_{Dat}]
 преже гл(Ѧ)и три(Ѧ)тоѣ . та(Ѧ) сѣи бѣ . пр(Ѧ)таѣ
 трѣце оѣе нашъ . гѣ помилуи .в... та(Ѧ) млтвы
 дютьъ за болацаѣ (Вопр.Кир.¹, 44).

¹ Вопросание Кириково. Основная редакция.

Предположительно ударение падает на ИГ в дат.п. *болному*, т.е. на адресатное дополнение инфинитива. В соответствии с предсказанием нашей теории, пациентное дополнение инфинитива стоит в вин., а не в имен. п.

Выводы

Варьирование инфинитивных конструкций с имен. п. и вин. п. субъекта в древнерусском языке и русских диалектах не связано с колебаниями в выборе подлежащего и является разновидностью дифференцированного маркирования дополнения.

Выбор имен. п. ИГ инфинитивной клаузы является одним из маркеров того, что вершина ИГ является акцентоносителем ремы или контрастной темы. Другим маркером является перемещение вершины ИГ левее инфинитива. Оба механизма факультативны, что объясняет варьирование в древнерусском языке и северных русских диалектах.

Библиографический список

1. Аркадьев П.М. Проблемы синтаксиса конструкций «Accusativus cum Particípio» в литовском языке // Вопросы языкознания. 2011. № 5. С. 44–75.
2. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004. Изд. 2-е.
3. Зализняк А.А., Падучева Е.В. Об инициальном отрицании в древнерусском и старославянском // Падучева Е.В. Русское отрицательное предложение. М., 2013. С. 290–303.
4. Ковтунова И.И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.
5. Крысько В.Б. Исторический синтаксис русского языка. Объект и переходность. М., 2006.
6. Лютикова Е.А. Падеж и структура именной группы: вариативное маркирование объекта в мишарском диалекте татарского языка // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Сер. «Филологические науки». 2014. № 4. С. 50–70.
7. Муравьёва И.А. О трактовке неформленного имени в тюркских языках // Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Дискурсивные аспекты грамматики / Под ред. Ю.А. Ландера, В.А. Плунгяна, А.Ю. Урманчиевой. М., 2008. С. 321–422.
8. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносённость с действительностью. М., 1985.
9. Пичхадзе А.А., Родионова А.В. О порядке слов в сочетаниях «личная форма глагола – прямое объектное дополнение» в древнерусском языке // Русский язык в научном освещении. 2011. № 1 (21). С. 127–161.
10. Попов А.В. Сравнительный синтаксис именительного, звательного и винительного падежей в санскрите, древнегреческом, латинском и других языках. М., 2012.
11. Потёбня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 2. М., 1958.
12. Сердобольская Н.В., Толдова С.Ю. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках // Финно-угорские языки: Фраг-

- менты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы / Н.В. Сердобольская и др. М., 2012. С. 59–142.
13. Степанов Ю.С.оборот *земля пахать* и его индоевропейские параллели // Известия ОЛЯ РАН. Серия литературы и языка. Т. 43. 1984. № 2. С. 128–143.
14. Циммерлинг А.В. Типологический синтаксис скандинавских языков. М., 2002.
15. Циммерлинг А.В. Локальные и глобальные правила в синтаксисе // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 8 (15). Тр. международной конференции «Диалог 2008». М., 2008. С. 551–562.
16. Янко Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.
17. Янко Т.Е. Интонационные стратегии русской речи. М., 2008.
18. Pichkhadze A. Subject of Subordinate Clause as Object with Verbs of Perception, Thought, and Communication in Old Russian // *Slověne*. 2012. С. 52–60.
19. Postal P. On raising: One rule of English grammar and its theoretical implications. Cambridge, 1974.
20. Timberlake A. The Nominative Object in Slavic, Baltic, and West Finnic. Munich, 1974.
21. Woolford E. Burzio's Generalization, Markedness and Locality Constraints on Nominative Objects / New Perspectives in Case Theory. E. Brandtner, H. Zinsmeister (eds.). Stanford, 2003. P. 299–327.
22. Zimmerling A. Transitive impersonals in Slavic and Germanic: Zero subjects and Thematic Relations // *Computational linguistics and intellectual technologies*. 2013. Vol. 12 (19). P. 723–737.
23. Zimmerling A. A Rule-Based Approach to Free Word Order Languages // The 2014 International Conference on Artificial Intelligence, I CAI-2014. July 21–24, 2014. Vol. 1. P. 61–67.